

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

И.Н. Гончаров

Томский государственный университет

Проповеди Григория Богослова и Кирилла Туровского как словесный ритуал

Византийская церковная культура оставила огромный пласт текстов, связанных с внутрицерковным идеологическим общением. Это произведения таких знаменитых писателей как Василий Великий (IV в.), Григорий Богослов (IV в.), Иоанн Златоуст (V в.), Иоанн Дамаскин (IX в.) и др. Получившие в свое время широкую известность, эти церковные ораторы повлияли своим творчеством на последующие поколения церковных проповедников, в силу традиционности христианской культуры обращавшихся к произведениям своих великих предшественников. Авторитет перечисленных церковных ораторов незыблем до сих пор в Христианстве.

Русь, принявшая Христианство от Византии, не прошла в своем литературном бытии мимо данных авторов. Самую, пожалуй, большую популярность на Руси получили «Поучения» Иоанна Златоуста. (Корпус именно его текстов наиболее востребован в письменной традиции Руси; его именем назывались также сборники проповедей – «Златоусты».) Его имя вошло в культурную память русских настолько глубоко, что всякий человек, талантливо пишущий или говорящий, обязательно ассоциируется с прозвищем именно этого византийца. Более того, учительные интенции проповедей Иоанна Златоуста победили в русской церковной культуре, предав забвению лиричность и исповедальность проповедей Григория Богослова, а также праздничность и богословскую утонченность «Слов» Иоанна Дамаскина. Ближе к Златоусту стоит Василий Великий с его нарочитой учительностью. И это не случайно. И тот и другой уделял большое внимание человеку, его повседневности и нравственному существованию в ней.

В современной исследовательской традиции различается два вида проповедей: торжественные «Слова» и «Поучения» [Бегунов, 1970, с. 75-85]. Древнерусские книжники «Словами» обычно называли торжественные, панегирические проповеди, имеющие стройную, четкую композицию в сочетании с гармоничной ритмичной речью, стилистически «расцвеченные», изощренно оформленные ввиду их приуроченности к знаменательным датам церковной или светской истории (например, проповеди Кирилла Туровского – XII в., посвященные церковным праздникам, или «Слово о Законе и Благодати» Илариона Киевского – XI в., включающее русскую историю в общемировую для восприятия того времени контекст) и реализующие через «помпезность» стилистического оформления художественную функцию [См.: Точилина, 2000, с. 88]. «Поучения» же не имели стилистически выраженного панегирического накала, отличаясь безыскусностью, прямолинейностью морального наставления (например, проповеди Серапиона Владимирского – XIII в. или «Поучения» новгородского епископа Ильи – XII в.).

Первые оригинальные проповеди Древней Руси восприняли традиции и торжественной, и учительной проповеди византийских авторов. Для нашей статьи мы выбрали двух авторов, работавших в рамках торжественной проповеди – это Григорий Богослов и Кирилл Туровский. Наш выбор продиктован тем, что оба автора

имеют большой авторитет в церковной традиции – первый как богослов¹, а второй как одареннейший оратор, «Златоуст» своего времени. Об одной особенности торжественной проповеди как жанра, отразившейся в их творчестве, и пойдет речь в нашей статье. Жанр, как известно, достаточно устойчивая вещь, и именно на его территории легче всего увидеть преемственность, традиционность речевого поведения авторов.

Для анализа нами выбраны примеры из часто цитируемых в богословской и исследовательской литературе проповедей – это два «Слова» Григория на церковные праздники (Пасха и Рождество Христово) и ряд «Слов» Кирилла Туровского (на «Вход Господень в Иерусалим», на «Вознесение» и др.).

На наш взгляд, рассматривать проповеди выбранных авторов необходимо в контексте христианского ритуала (обряда). Из дальнейших рассуждений будет ясно, почему мы так думаем. Пока же вкратце охарактеризуем внутреннюю суть христианских обрядов.

Христианские обрядовые действия ориентированы в своем содержании на события Священной Истории, т.е. на мифические события Библии. Обряд, будучи символическим действием, воспроизводит миф и дает проникнуть, по христианским представлениям, во время свершения мифических событий. Обряд в традиционно-религиозных обществах, которым является и Христианство, парадоксально прерывает течение мирского времени. Он вводит своих участников в первоначальный онтологический момент протекания мифических событий. Таким образом реализуется тождество библейских мифов с ситуацией их обрядового воспроизведения².

Проповеди Григория Богослова и Кирилла Туровского являются смысловой и структурной частью обрядового действия: они были приурочены к конкретным церковным праздничным дням, входили в структуру богослужения этих дней. Об этом говорят названия их «Слов». Например, «Слово Кюрила недостойного мниха на святую паску во светоносный день Воскресения Христова», Слово на тот же праздник Григория Богослова, или «Слово блаженнаго Кюрила на верьбницу» [Еремин, 1958, с. 409, 412] и др. Это обстоятельство отчасти дает повод рассматривать проповеди обоих авторов в описанном контексте обряда.

Но существует еще одно немаловажное обстоятельство такого рассмотрения. Проповеди Григория и Кирилла, будучи частью культового действия, вбирают в себя и его временную структуру, т.е. то, как представлено в самом обряде время. Мы помним, что время обряда – это время течения мифических событий. Все, что некогда происходило «во время оно», мыслится происходящим «днесь», в данный момент. Д.С. Лихачев обратил внимание на то, что в проповеднической литературе события Священной Истории были не только фактами прошлого, но и имели определенное отношение к настоящему. «В праздник, – как пишет ученый, – событие славится и изображается, поскольку *оно происходит в день праздника* (курсив мой – И.Г.)» [Лихачев, 1979, с. 273].

Григорий Богослов и Кирилл Туровский в своих проповедях на церковные праздники представляют со своей аудиторией некое сакральное единство. И взаимоотношения проповедников и аудитории в этой ситуации являют собой не иерархическую противопоставленность учителя и ученика, пастыря и пасомого, где один учит другого, а их религиозное равенство, единое МЫ, церковное собрание, празднующее деяния Христа.

¹ Подробнее о богословии Григория см.: [Иером. Иларион, 1998, с. 226-395; Флоровский, 1999, с. 90-122].

² Ср.: «Любое жертвоприношение повторяет первоначальное жертвоприношение и совпадает с ним во времени» [Элиаде, 1987, с. 56]. Более подробно о восприятии и онтологии обряда см.: [Кураев, 1997, с. 160-195; Живов, 1982, с. 108-127].

Григорий высказывает это единство с аудиторией в том случае, когда речь заходит об эмоциональном и сакральном переживании церковного праздника. Проповеди начинаются с воззвания к слушателям, обращенного к ним призыва прославить праздник «единем усты и едином сердцем», как говорится в одном из дьяконских прошений на Литургии. Проповедь Григория Богослова на Пасху (Слово 1-ое) начинается с напористых декламаций, обращенных к слушателям: «Воскресения день – благоприятное начало. Просветимся торжеством и обьемем друг друга. *Рцем: братия, и ненавидящим нас* (Ис. 66, 5)... Уступим все Воскресению: простим друг друга» [Григорий Богослов, 1994, с. 17]. Тот же пафос призыва наблюдаем и в «Слове 38-ом, на Богоявление или на Рождество Христово»¹: «Христос рождается – славьте! Христос с небес – выходите в сретение! Христос на земле – возносите!» [Там же, с. 522]. Здесь уже эмоциональные призывы перемежаются с повествовательной частью, излагающей событие. Но подобное начало проповеди, все эти эмоциональные всплески и зазывания верующих на празднование церковного торжества, имеет свою цель не просто сделать эффектное с точки зрения привлечения внимания слушателей вступление и их призыв, но и служит предварением такой части текста проповеди, которая несет на себе ритуальную функцию. Однако даже в самом вступлении можно заметить признаки ритуальности. Ведь «просветиться» в лексиконе Григория значит наполниться Божественным светом, благодатью, что само по себе уже есть призыв совершить религиозный акт. То же самое можно и сказать и о призыве встретить родившегося Христа, после чего верующие возносятся мыслью и духом к Небесам.

Закономерно при этом появление в тексте местоимений 1-го лица мн. числа: «Вчера заклан был Агнец, помазаны двери, Египет оплакивал первенцев; мимо *нас* (курсив мой – *И.Г.*) прошел погубляющий, печать для него страшна и досточтима, и мы ограждены драгоценною кровью; ныне *мы* чисто убежали из Египта от жестокого властителя Фараона и немилосердных приставников, освободились от плена и плинфodelания (изготовления кирпичей – *И.Г.*), и никто не препятствует *нам* праздновать Господу Богу нашему праздник исшествия...» [Там же, с. 18] – так описывает Григорий в образах Ветхого Завета основной смысл праздника Пасхи – освобождение христиан от греха и власти дьявола.

Кирилл также при обращении к слушателям постоянно употребляет личные местоимения 1-го лица мн. числа «МЫ», «НАМ»: «Да и *мы*, братие, Иисуса Христа, Бога нашего, прославим, исцелившаго *нас* от недугов греховных», или: «Ны *мы* нынѣ... похвалим помилованаго Богомъ человека», еще: «Поидем же и *мы*, братие, на гору Елеонскую умошь и узрим мысленно вся преславная створившаяся на ней!» [Еремин, 1957, с. 335, 340, 341]. Таким образом, автор-проповедник, и слушатель находятся в одинаковой, не иерархической позиции по отношению друг к другу – это их совместное ритуальное действие.

Приведенные слова Григория Богослова и Кирилла Туровского говорят нам не только о единстве проповедника и его аудитории, но и являются словесным ритуалом, о чем свидетельствует форма времени происходящих событий. Для Григория обстоятельства исхода еврейского народа из Египта являются обстоятельствами освобождения его христианской паствы от греха и рабства дьяволу. Представление прошлого как происходящего сейчас, «обряжение» настоящего в «ризы» прошлого является показателем ритуальной ситуации. Сама проповедь становится словесным ритуалом, в котором происходит наложение одного времени на другое, их синхронизация. Григорий Богослов знает, что Христос был распят и воскрес «при Понтийстем Пилате». Но он при этом утверждает, что «*вчера* я распинался со Христом, *ныне* прославляюся с Ним; *вчера* умирал с Ним, *ныне* оживаю; *вчера* спогребался, *ныне* совоскресаю» [Григорий Богослов, 1994, с. 18].

¹ Во времена Григория Богослова праздники Рождества и Богоявления совершались в один день.

Для Григория происшедшее с Богочеловеком происходит и с ним. В ритуале, как утверждает религиозная традиция Христианства, именно это и случается: события и качества сакрального объекта делегируются участнику ритуала.

Кирилл Туровский поступает также. Время сакрального события есть время произнесения проповеди, т.е. для Кирилла события Библии происходят в момент произнесения проповеди. В «Слове» в неделю Цветную («Вход Господень во Иерусалим») читаем: «Днесь (курсив мой – И.Г.) апостоли на жребя своя ризы възложиша, и Христос веру их седа... Днесь народи постилають по пути ризы своя, друзии же от древа резаху ветве постилаше... днесь предъидущии и въследующеи възклиають, глаголюще: Осана, сыну Давидов, благословен грядый во имя Господне!.. Днесь весь Иерусалим подвижесе възшества ради Господня...» [Еремин, 1958, с. 410]. В «Словах» на «възнесение» и в неделю Фомину видим ту же картину. Но вдобавок к этому в следующих примерах Кирилл «прямо приглашал слушателей... стать участниками излагаемого события» [Еремин, 1966, с. 138]: «Поидем же и мы ныне, братие, на гору Елеонскую умошь и узрим мыслено вся преславная створившаяся на ней! На ту бо гору сам Христос Бог наш днесь пришел есть» [Еремин, 1957, с. 341]; «взидем ныне и мы, братье, мыслено в Сионскую горницу, яко тамо апостоли събрашася и сам Господь Исус Христос, затворным дверем, посреде их обретесе...» [Там же, с. 417].

Из приведенных примеров обоих авторов следует по крайней мере два вывода. Проповеди Григория Богослова и Кирилла Туровского, вбирая в себя время обряда, сами становятся обрядом, только уже словесным, вербальным обрядом. Следующий вывод таков, что, воспроизводя миф через словесный обряд, Кирилл и Григорий не только делали себя и своих слушателей свидетелями происходящих мифических событий [Еремин, 1966, с. 138], но и втягивали их и себя в орбиту мифа в качестве его субъектов. В результате время Григория и Кирилла и их аудитории и время мифа есть одно время. Проповедники строят время своих произведений таким образом, что событие мифа становится синхронным событию участия в нем самого проповедника и его слушателей. Видимо, именно таким образом Григорий и Кирилл представляли себе участие в мифических событиях и их синхронность своему времени, когда обращался ко Христу: «Вчера с разбойником распинахомся, днесь с Тобою воскресохом. Вчера с Логином возвахом: Въистину Сын Божий Ты еси! – днесь со ангелы глаголем: Въистину воскресе Христос! Вчера с Никодимом с креста сняхом Тя, днесь с Магдалынею възкресша Тя видехом. Вчера со Осифом в гробе Тя полагахом, днесь яко Марья радостныя глаголы слышим: К братии моеи и к Петрови шедши рци им, да идуць в Галилею и ту Мя узрят. И се ныне, яко в Галилею, в святую церковь собравшесе и веселящесе глаголем: Си день, иже створи Господь, възрадуимся и възвеселимься вонь» [Еремин, 1958, с. 414]. Как видно, в данном примере все, что происходило с героями Евангелия, происходит уже с Кириллом и его аудиторией.

Таким образом, в торжественных проповедях на церковные праздники Григория Богослова и Кирилла Туровского происходит единение аудитории и проповедника при произнесении текста проповеди как словесного ритуала, в котором и проповедник и слушатели становятся участниками сакрального события Священной Истории.

Литература

Бегунов Ю.К. Древнерусская ораторская проза как жанр (к постановке вопроса) // Пути изучения древнерусской литературы и письменности. Л., 1970.

Григорий Богослов. Собрание творений: В 2-х т. Т. 1. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1994.

- Еремин И.П. Литературное наследие Кирилла Туровского // ТОДРЛ. М.; Л., 1957. Т. XIII.
- Еремин И.П. Литературное наследие Кирилла Туровского // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. XV.
- Еремин И.П. Ораторское искусство Кирилла Туровского // Литература Древней Руси (этюды и характеристики). М.; Л., 1966.
- Живов В.М. «Мистагогия» Максима исповедника и развитие византийской теории образа // Художественный язык средневековья. М., 1982.
- Иером. Иларион (Алфеев). Жизнь и учение св. Григория Богослова. М., 1998.
- Кураев А. Была ли Тайная Вечеря последней? // Протестантам о Православии. М., 1997.
- Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М.; Л., 1979.
- Точилина Л.Н. Структурные особенности дидактических произведений древнерусской гомилетики (опыт внутрижанровой дифференциации) // Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 10, М., 2000.
- Флоровский Г. Восточные Отцы IV – VIII веков. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1999.
- Элиаде М. Космос и история. М., 1987.